

18+

Илья Зюков

Черный рыцарь. Не на жизнь, а на смерть

3 часть

Илья Зюков
Роман. Черный
рыцарь. Не на жизнь,
а на смерть. 3 часть

<https://litres.ru/74148624>

ISBN 9785006998926

Аннотация

Третья часть романа «Чёрный рыцарь». Боевые действия 4-летней войны между королями Карлом V Габсбургом и Франциском I Валуа разворачиваются в Италии. Какие города падут к ногам рыцарей Ордена «Волков» — Парма? Генуя?

Какова роль в этих событиях и судьба виконта Хельмута де Эжена — прославленного «Чёрного рыцаря»?

Как военная судьба забросила наших героев на берега Бискайского залива?

И что ждёт там рыцарей под командованием Магистра Ордена Вильгельма фон Ульриха?

Ответы — на страницах романа

Содержание

Пролог	8
Глава 1. «Джованни Медичи»	16
Глава 2. «Война на время прекратилась»	22
Глава 3. «О чём говорят мужчины»	28
Глава 4. «Испытания Отто»	40
Глава 5. «Разговор Хельмута с Магистром»	58
Глава 6. «Папа Адриан VI — действия и последствия»	71
Глава 7. «Хельмут и разбойники»	78
Глава 8. «Лошадь без седока — дурная примета»	99
Глава 9. «Разбойники скрылись»	111
Глава 10. «Напали на след»	118
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Роман. Черный рыцарь. Не на жизнь, а на смерть 3 часть

Илья Зюков

© Илья Зюков, 2026

ISBN 978-5-0069-9892-6 (т. 3)

ISBN 978-5-0056-6875-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПЕРСОНАЖИ:

— виконт Хельмут де Эжен — капитан, рыцарь Ордена «Волков», «Чёрный рыцарь».

— Вильгельм фон Ульрих — Магистр Ордена «Волков», князь, курфюрст Меерсбурга.

— Фердинанд фон Штольц — Великий Сенешаль Ордена «Волков», правая рука князя и Магистра Ордена.

— Иоган Штильмайер — Великий комтур Ордена «Волков», командор Ордена.

— Барон Карл фон Рейн — друг «Чёрного рыцаря»

— Маркиз Зигмунд фон Леер — друг «Чёрного рыцаря»

— Граф Мартин фон Шимман — друг «Чёрного рыцаря»
— Князь Эдгард фон Рольф — друг «Чёрного рыцаря»
— Марта фон Маркдорф, баронесса, дочь барона Маркдорфа, невеста Карла фон Рейна, урожденная земель Маркдорф.

— Грета фон Ховермале, маркиза, невеста графа Мартина фон Шиммана, дочь маркиза фон Ховермале, урожденная в Меерсбурге.

— Микаэлла фон Бергхофф

— Ганс Мюллер — оруженосец «Чёрного рыцаря» Хельмута (сын кузнеца)

— Отто Мюллер — младший сын кузнеца

— Герд Мюллер — кузнец

— Иоган фон Шоттен, фрайхер, друг «Чёрного рыцаря»

— Бернд фон Гессен, фрайхер, друг «Чёрного рыцаря»

— Вендель фон Лих, фрайхер, друг «Чёрного рыцаря»

— Ицхак Карвин — еврей, старейшина еврейской общины города Вильнёв

— Карл V Габсбург — Император Священной Римской Империи, король Испании, Голландии, Германии

— Франциск I Валуа — король Франции

— Карл III де Бурбон — Принц крови, коннетабль Франции

— Филипп II Савойский — герцог, хозяин Шильонского замка, дед французского короля.

— Луиза Савойская — королева-мать, мать французского

короля.

— Ханс Беобахтен — комендант Шильонского замка.

— Генрих III граф Нассау-Диленбургский — штатгальтер Голландии, главный камергер и доверенное лицо короля Карла V Габсбурга

— Папа Римский Лев X

— Федерико да Боццоло — командующий гарнизоном Пармы

— Оде де Фуа Лотрек — маршал Франции.

— Фернандо д, Авалос, маркиз Пескара — кондотьер армии Карла V Габсбурга.

— Проспер Колонна — Главнокомандующий армии Карла V Габсбурга.

— Барон Арнульф фон Шлоссен — капитан Ордена «Волков».

— Сильван — разведчик Ордена.

— Бельтран II де ла Куэва и Толедо — командующий войсками Карла V у Фуэнтеррабио.

— Генрих II Наваррский — король Наварры.

— Сильвия Бруно — возлюбленная барона фон Гессена.

— Гюнтер фон Трир — рыцарь Ордена «Волков», умеющий подражать вою волков.

Есть путь. Намечена дорога.

Она отмерена от Бога.

И, проходя свой в жизни путь,

быть человеком не забудь.

Пролог

Читатель мой, любезный, дорогой,
я тайны не открою тебе большой —
писать роман я начал третий,
едва закончился второй.

Но, прежде чем, к событиям детально переходить,
хотелось бы, ну, в качестве вступления,
на темы отвлеченные поговорить.

История наукой давно является.
Это не сказочников разных состязание.
Она на точные события и факты опирается,
а не на чьи-то притязания.

«Отцом истории», конечно, Геродот считается,
хотя не он историком ведь
первым был.
Как жанр литературный она
в Греции появляется,
примерно в V веке, если я не позабыл.

История не сказка, не какой-то
там рассказ,
с событиями прошлого она знакомит нас,
причины всех событий объясняет,
взаимосвязи их между собою открывает.

История описательна, хронологична.
Не должен допускать историк оценки личной.
Сухие факты, их перечисление.
Мотивы тех или иных событий,
их пояснение.

Историку дарована возможность говорить
о том, что раньше могло происходить.
Да, фактами, конечно, подтвердить.
Лишь от себя бы лишнего
не городить.

Историк — констант, того
не более,
ведь изменить историю не в его воли.
Вот если изменять события
за правило себе возьмёт,
то непременно фальсификатором
он прослывет.

Кого-то это не волнует и не задевает.
Что ж, к сожалению, и такое
среди историков бывает.

На вновь придуманной истории
уж целые поколения растут,
и с удовольствием «едят»
историю такую, которую
«под новым соусом им подают».

А ведь история-то по спирали развивается,
похожие события с годами повторяются,
показывая, и доказывая всякий раз,
что то, что было в годы прежние,
возможно с нами и сейчас.

Поэтому историю необходимо знать,
чтоб непонятные историки
не сумели
твоё сознание и знания твои ломать.

Чтоб грамотным и современным
человеком быть,

осведомленно и с пониманием
о всех событиях прошлого
и настоящего судить.

Историю виконта де Эжена
задумал я в своём романе осветить.
И мною решено (пока, во всяком случае)
четыре книги этому герою посвятить.

Однако, не историк я,
а я — писатель.
Тогда, как дальше быть?
Роман свой на известных
исторических событиях
намерен я творить.

Вот, скажем, вы готовить обожаете.
Ну, любите вы это дело, уважаете.
И рецептуру вы известную возьмёте,
а вот во вкус другого повара
вы всё равно не попадёте.

Своя солёность и перченость,
своя прожаренность, копченость.
Чуть-чуть, но, всё же отличается,

индивидуальностью наполняется.

Историю свою мы сами
безостановочно творим.
Историей становится всё то,
что совершаем мы, что говорим.

Живём легко, как будто
переписать всегда успеем —
и не задумываемся о словах,
и о поступках не сожалеем.

Но ведь эмоция, окраску придавая,
показывает —
жизнь наша не статична, она живая.

Так и в готовке — еда должна нас
вкусом удивить, и насладить,
а не формальным набором
продуктов быть.

Я не историк, чтобы сухие факты
и события перечислять.
Хочу я рассказать историю своего героя,

при этом эмоцией её, душою наполнять.

Ну, взяли крепость, завоевали, победили...

А, что при этом чувствовали,
что говорили?

Какие мысли в голове держали,
когда соперников на поле боя побеждали?

Как родился тот план, или иной,
терзания какие испытывал герой?

Ведь он не просто «номинальная
боевая единица»,
и что-то же в душе его творится.

Я — автор, я — творец, художник слова.
Беря историю реальную за основу,
хочу деталями, нюансами события наполнять,
как повар блюдо специями приправлять.

Саму историю исправлять я,
вовсе не намерен.

Она уже давно случилась,
итог её давно отмерен.

Мне интересно внутреннее содержание,
моих героев чувства, переживания.

Детальми любая история наполняется.
Она ведь не статичною картинкою является.
Но сами-то детали кто знает?
Историк чаще факты предлагает.

Простому обывателю начинка
больше интересна, а не тесто.
История ведь может быть
давно известна.

Тесто-то — сдобное или пресное.
А вот начинка — дело совсем другое.
Фантазию тут даже вряд ли надо
тормозить.
Здесь каждый повар имеет право
свой кулинарный шедевр сотворить.

Я постараюсь «блюдо» своё создать,
детальми насытить «вкусными»,
чтобы истории, при этом,
не ломать.

Приятного прочтения, друзья мои,

желаю.

Ну, приготовились, я начинаю.

Глава 1. «Джованни Медичи»

Зима, только начавшись,
сюрприз преподнесла —
смерть Папы Римского для всех
так неожиданна была.

Джованни Медичи — Понтифик
Папа Лев X скоропостижно
в сорок пять лет почил.
Один из тех, кто кашу
текущих всех событий и заварил.
И тут опять важны детали,
нюансы, так сказать.
О них, мой дорогой читатель,
сейчас берусь тебе я рассказать.
Нюансы и детали
историю любую наполняют,
и что-то поясняют нам,
а что-то вновь нам открывают.
Историю творим мы сами,
про это уж говорили много раз.

И, всё же, к этой теме

опять вернулся наш рассказ.
И многократно ещё вернётся,
и темы этой перо моё коснётся.

Избита тема, однако,
об этом постоянно
приходится нам говорить —
будить не надо спящую собаку,
тем более её не надо злить.

Любое действие всегда
противодействие рождает,
движение начинает новое
и след какой-то оставляет.

Правление Папы Льва X
к расколу церкви привело.
А по-другому, при его поступках,
и быть, наверное, не могло.
Транжирой, интриганом, охотником
заядлым Джованни был.
Он многим европейским банкам задолжал,
но Ватикан концы с концами
не сводил.

При Папе Льве X сан любой
открыто в Ватикане продавался.
Чего там далеко ходить,
сан Кардинала Джованни Медичи
через покупку, также ведь достался.

Сан этот будущему Папе Римскому
его отец купил.
Но это, всё же, было редкостью.
Став Папой, Джованни Медичи
такую практику порочную
намного шире распространил.

Он в Ватикане чрезмерно много
различных должностей учредил,
и продавать их людям,
своим доверенным он предложил.

Казну, однако, это
не сильно наполняло —
одна доходная статья
за множеством расходных
никак не успевала.

Тут надо было что-то делать,

и что-то предпринять.
Джованни Медичи придумал
«Индульгенцию» — бумагу,
по которой,
её владельцу грехи должны прощать

И чем дороже индульгенцию
вы покупаете,
тем большего количества грехов
прощение получаете.

Вот тут, конечно, деньги потекли
к Понтифику рекой.
У всех ведь водится грешок
какой-то за душой.

Абсурдная идея. Но люди
охотно индульгенции покупали.
Священники, продав бумаги,
за мзду грехи желающим прощали.
Однако же, нашлись противники,
и было их не мало,
кого подобная придумка церкви
уже не удивляла, а раздражала.
Вот тут опять я предлагаю
собаку вспоминать,

которую не стоит раздражать.
Коли собаку вы не станете обижать,
то меньше шансов, что она
решит вас покусать.

Мздоимство церкви, излишние поборы...
Всё это породило разговоры.
Когда бы церкви глупость
такую не творить,
то, может, и не о чем бы
было говорить?
И Мартин Лютер появился,
и манифест его родился.
А в нём призывы —
церковь реформировать,
и индульгенции осуждать,
и Папу Римского отныне народу избирать.
Тот Манифест летел по свету...
Куда там нынешнему интернету.
Из уст в уста передавался,
бумагами сопровождался.
И кто был грамотным —
безграмотным читали.
И дальше, дальше передавали.
И надо было Папе Римскому
всё это затевать?
Чтоб Реформацию и Революцию увидеть?
Не трогайте вы спящую собаку —

не бросится тогда она в атаку.

Чего своими выдумка добился Медичи?

Это раскол.

Для общества деление по вере —
безусловно приговор.

И общество, конечно, разделилось.

И протестантское течение зародилось.

Вот, что оставил после себя Понтифик Лев X,
как глава церкви и человек,
прожив не очень длинный век.

Да, он ушёл. Оставшимся
во всём же этом жить —
вариться в каше, что уже заварена,
а, может, попытаться изменить.

Глава 2. «Война на время прекратилась»

Война в Италии на время прекратилась.
Испано-папская коалиция
успехов нужных для себя добилась.
Французов из итальянских государств
они погнали прочь.
Никто не мог Франциску I помочь.

Ломбардия французами
потеряна была практически.
Кремону только армия Оде Фуа Лотрека
отстаивала героически.

Венецианская республика под их
влиянием также оставалась.
Вот там, в её пределах,
на квартирах зимних,
вся армия Оде Фуа Лотрека
до времени располагалась.

.

Зимой, обычно военных действий
не затевали —

лечили раны, амуницию починяли.
И Орден тоже в Италии оставался,
он по кондотте
Просперу де Колонне подчинялся.

А в Меерсбург пока домой
они не рвались,
Ну, нанялись, так нанялись.
К тому же, Меерсбург не всем ведь
домом родным являлся —
из представителей земель различных
Орден «Волков» когда-то набирался.

Из Гессена — Бернд Гессен был,
Вендель фон Лих — когда-то в Лихе жил...
Судьба их вместе в Меерсбурге собрала,
теперь война в Италию всех привела.

И, по-большому счёту,
многим было наплевать —
с кем, где и почему должны были
они сражаться — воевать.

За деньги рыцари сражались,
и славой ратной упивались.

И часто не было такого, чтоб их
с «работы» этой ждали,
чтоб им в объятия дети малые бежали.

Давно оставив земли свои родные,
ушли они искать удачи
в края далекие, чужие.
Характер эдакой их работенки,
жестокость битв,
надежду на продолжение рода,
пожалуй, не давали.
И многие до встречи
с будущей женой не доживали.

Их — многих рыцарей на поле брани
не идея защиты дома отчего вела.
Их жажда славы рыцарской звала.
А если за это всё, к тому же, и платили,
то рыцари ещё быстрее из дома уходили.

Бывали рыцари, которые
в доходе не нуждались.
Они не за деньгами, а на поиски
и подвигов, и приключений отправлялись.
Граф Мартин Шимман, князь Рольф,
маркиз фон Леер

как раз такими и являлись.

Бернд Гессен, Иоганн фон Шоттен
и Вендель Лих
других людей собою представляли.
Они, хоть знатными являлись господами,
доход с земель своих не получали.

Поскольку землями своими они
не обладали,
их, по-немецки, фрайхерами называли.
Сейчас друзья отряда Хельмута —
все в Парме квартировались.
И тут уже не важно было —
являлись они хозяевами своих земель,
иль не являлись.

Они распоряжением
Главногокомандующего армией Колонны
на территории Пармы оставались.
Карл V приказал, чтоб —
«завоеванные земли охранялись».

К тому же надо было быть готовыми
Кремону у Лотрека отвоевать,

и Парму, и Пьяченцу,
при том, не потерять.

Бернд Гессен с момента
получения ранения в Парме был.
Хоть рана его только заживала,
однако, он уже ходил.
Друзья барона постоянно навещали,
то спор, то пьянку,
то спор во время пьянки затевали.

Был спор не злобен их, но шумен,
громогласен.
Простому обывателю со стороны
казался он опасен.
И двухэтажный дом, в котором
барона Берндта Гессена поселили,
сторонние прохожие опасливо
по улице соседней обходили.

Сегодня, как обычно в дни последние,
друзья собрались.
Пили вино, шутили и смеялись.
Район, в котором дом барона располагался,
на левом берегу реки был в городе,
Ольтреторренто он назывался.

Район старинной, традиционной
застройки двухвековой
на левом берегу за Пармою — рекой.

Конечно же, нам интересно с вами,
о чём барон фон Гессен
разговаривал с друзьями.
Пройдем мы через двор,
между привязанных коней,
заглянем в комнату с камином поскорей.

Здесь был весь их отряд.
Пожалуй, Хельмута лишь не хватало.
Послушаем, что же герои наши говорят,
а говорят всегда,
разгоряченные вином, не мало.

Язык развязывается любой,
веселой чаркою хмельной.
И если будем мы тихонько
в стороне стоять,
то сможем и про Хельмута узнать.

Глава 3. «О чём говорят мужчины»

В той комната, в какую
с вами мы попали,
гостей обычно
в этом доме принимали.
Камин горел, дрова трещали.
Был стол накрыт.
Гостей здесь явно ждали.

Бернд Гессен — дома не владелец,
но сейчас хозяин,
был раздосадован, когда ранение
в ногу получил.
Сейчас нисколько не печален.
Перед друзьями с кубком он ходил.

Битв не было пока,
нога неплохо заживала.
И в стороне от подвигов
его ранение не держало.

Как «пострадавший», он давно

не «возлежал».

Пока на лошади лишь не скакал.

Друзья поддерживали Бернда.

Так было принято, что
раненого надо подбодрить.

Поэтому товарищи не прекращали
к барону Гессену ходить.

Один лишь человек на эти
хождения барона злился.

Это был лекарь Марио Пилони,
сейчас он рядом находился.

Известный лекарь — Марио Пилони,
живущий в Парме,
рожденный некогда в Кремоне,
за состоянием барона наблюдал.
Он и лечил его, он и ругал:

«Mio Signore, come non stai attento,
Perché ti alzi prima del tempo? —
Мой господин, как вы не осторожны,
да это, право не возможно.
Зачем вы раньше времени встаёте?

Ведь вы себя совсем не бережёте.

О, mamma Mia, сколько говорить —
я не могу таких людей лечить.

Queste persone, queste persone —
О, эти люди — беспокойство в доме.

Отец святой, он ничего не понимает.
За что мне небо это посылает?
Padre Santo, non capisce niente.
Per cosa mi manda il cielo?»

Бернд Гессен только усмехался
друзьям на итальянца он кивал.
Ни чьих команд он выполнять,
конечно, не собирался,
и говорил, что итальянца
он не понимал.

«Не мудрено, по-итальянски
лекарь переживает,
что наш барон свою кровать
так безрассудно покидает», —
Эдгард, который итальянский знал,
для Бернда переводчиком выступал.

«Ты должен, как бревно от пинии лежать,
и, чтоб не высох ты,
тебя вином мы будем поливать», —
Иоганн фон Шоттен
князя Рольфа поддержал.
Над этой шуткой весь отряд,
как лошади заржал.

Лишь итальянец не смеялся.
Ведь он, по-своему, старался —
хотел, чтоб рану подопечный
свою не бередил.
И он барона Гессена
на кресло силой усадил.

Барон такому натиску от лекаря
шутливо сдался.
Потом уже из кресла возмущался:
«Какого дьявола я должен
полуживого изображать?
В кровати я могу
только с девицей полежать.

Хотя бы с этой...» —

рукой на девушку он показал,
которая в комнату входила.
Бокал уже пустой отдал,
и жестом объяснил,
чтобы она ещё вина налила.

Красавица учтиво поклонилась.
Толпа мужланов-рыцарей
на девушку воззрилась.
Молчание первым
барон фон Рейн прервал,
он жадно девушку глазами «поедал»:

«Какой, однако, вижу я розанчик!
Я с нею не один бы помял диванчик...»

«Полегче, Карл, прошу тебя
дистанцию соблюдать», —
фон Гессен отозвался, —
«бутон я этот сам хочу сорвать.
И в помощи твоей я б не нуждался».

Полено новое в камин бросая,
заметил граф фон Шимман:
«Вот ситуация забавная какая.

Бернд, безусловно, прав
на девушку
побольше каждого имеет.

Но трудно будет вам обоим —
никто из вас ведь, братцы,
итальянским не владеет».

«Ну, это не проблема,
поможет нам Эдгард —
«Луиджи Герамон».
А, может, Хельмут.
Где, кстати, он?»

Граф Мартин Шимман
от камина отозвался,
не прекращая дел возле камина,
которым он занялся:

«Наш Хельмут у Магистра на беседе.
В другом районе города он —
вы не соседи.
Наш Хельмут — капитан,
Магистр — начальник.
Им есть что обсудить».

Зигмунд фон Леер в этот миг зевнул,
и, как бы, между прочим, протянул:
«А наше дело — ждать их решения...»
Да, ждать и пить».

А Мартин Шимман продолжал,
в руке он новое полено уже держал:
«Пока мы можем отдыхать, лечиться, пить,
и жизнью наслаждаться. Жить!
Кому-то посчастливилось любить...

Придётся всё-таки тебе,
дружище Бернд, язык учить.
Хотя бы, чтоб начальное
знакомство завязать.
А дальше, дальше вам сама любовь
уж будет помогать».

Барон фон Рейн,
тот молчаливым не являлся.
И тут он в разговор вмешался:
«Язык любви — он в переводе
не нуждается.
Любви сердца и двери

обычно открываются.

Вот помню, у меня
швейцарочка одна была,
она немецкого не понимала.
Однако, понимающей душою обладала,
а это, согласитесь, что не мало...»

Князь Рольф при этом улыбнулся,
и с интересом к барону Рейну повернулся:
«Карл, как её звали?»

Карл Рейн на это брови приподнял,
и так приятелю сказал:
«Как её звали — вспомню я
теперь едва ли.
Вот её бёдра помню, как сейчас.
Они мне спать спокойно не давали».

«Барона Маркдорфа бы люди
о похождениях бы ваших не прознали.
Не думаю, что станет одобрять
барон Маркдорф, как веселится
его будущий зять», —

так Вендель фон Лих вмешался.
Никто сегодня в стороне
от разговора не оставался.

Барон фон Рейн тут сильно удивился,
и громогласно разразился:
«Помилуй Бог, да кто ж ему расскажет?
Коли такой смельчак найдётся,
то мой кулак его накажет».

Князь Эдгард Рольф умел
с бароном Рейном говорить.
И он не дал ему про драку мысль развить:

«С тобою, точно, связываться
не с руки.
У нас же в Ордене собрались рыцари,
отнюдь не дураки.
Ты сам уж разбирайся с бабами своими,
детей им делай, считай потом родными...»

Карл закипел — задело за живое:
«Что говоришь ты, что это всё такое?
Что хочешь этим ты сказать?»

Пришлось Эдгарду продолжать:
«Не думаешь же ты, что та швейцарочка
смиреною овечкой осталась тебя ждать?
Наверядли у неё один ты был.
Ты приласкал её, и след потом простыл.

Найдётся или уже нашёлся кто-то,
легко, шутя,
кто полюбил швейцарочку после тебя,
своим признает он ребёнка —
девчонку или пацаненка.

А ты же можешь песни сочинять
и про отряд барончиков своих
повсюду распевать».

Карл был не склонен
философию развивать,
но что-то надо было отвечать:
«Да, рыцарь тоже человек,
и до поры живой.
Он наделён и мужеством и силой,
но также сердцем и душой.

Себе не может рыцарь запретить
хотеть, мечтать, любить.
Обет, конечно, можно дать.
Но сердца стук в груди
не сможет он унять».

Зигмунд фон Леер говорил обычно редко.
Но, как на поле боя, удар свой
наносил он метко:
«У вас так часто сердце, друг мой, стучит,
как-будто колокол церковный
к заутренней звонит».

И все вокруг смеялись,
и шутку каждый оценил.
А Мартин Карлу от камина проговорил:
«Вам, друг мой Карл,
я посоветовал бы отступиться.

Вам только позабавиться. Но
мы допустим мысль, что
Бернду посчастливилось влюбиться.
«Скажи нам, Бернд, как девушку зовут,
которую увидели мы тут?»

Бернд Гессен с кресла не вставал,
заулыбался и сказал:

«В отличие от Карла, я девушек
умею запоминать.

Сильвия Бруно — мой лекарь Марио
изволил так её назвать».

Мужские разговоры. Что тут ещё сказать?

Не меньше женщин мужики
язык умеют свой «чесать».

С другой же стороны, а почему бы
не поговорить?

Война дала им передышку.

Её ещё успеют они «вкусить».

Глава 4. «Испытания Отто»

Война — романтика лишь для мальчишки,
(мечи, доспехи, арбалеты, флаги).

И то, лишь для того,
кто это знает понаслышке,
не испытав все тяготы и передраги.

Война — она ведь никогда
не разбирает.
Кто поневоле от неё страдает,
кто сам в боях сражается...
Да только всех она касается.

Мальчишка Отто не грезил о войне,
уж год, как он попал туда случайно.
Война не детское ведь дело,
никто не будет противоречить мне.
Мы помним, как открылась его тайна.

Он не о подвигах, не о войне мечтал —
за рыцарями следом побежал.
А то, что эти рыцари всегда

там, где война,
наивный мальчик не подумал —
по-детски не подозревал.

Герд Мюллер как бы не хотел,
чтоб Отто в кузнице трудился,
перечить ни виконту Хельмуту,
ни уж тем более барону Рейну
он не смел.

И в Ордене возле барона Рейна
мальчишка находился.

Сын кузнеца хотел быть рядом,
быть с рыцарями сопричастным.
Всегда следил за ними взглядом.
Герд Мюллер же надеялся,
что это не напрасно.

Надейся, не надейся —
сословие не изменить.
А рыцарем не будет Отто,
как мальчику бы не хотелось.
Он в лучшем случае может звание
оруженосца получить.
Да и на этот счёт у Герда Мюллера
сомнение имелось.

При рыцаре богатом почетно быть.
Но там же, всё таки, война идёт —
ранение от пули можно получить.
А вдруг сын кузнеца в плен попадёт?

Немыслимы, и тяжелы раздумья эти.
О, чтобы понимали наши дети...
Как тяжело от сердца отрывать.
Отец страдает иногда не менее, чем мать.

Конечно, жизнь мальчишек
близ Ордена вращалась.
И каждый день ватага сорванцов
с колонной рыцарей встречалась.
Ах, как доспехи их в лучах зари горели —
не оторваться было, в самом деле.

Барон фон Рейн при их последней встрече,
похлопал Герда Мюллера по плечу,
отдал кошель, деньгами полный,
сказал: «Послушай, старина, что
я сказать тебе хочу.

Мальчишка твой — теперь со мной.
Он — настоящий воин, он герой.
И рыцаря берусь я воспитать,
и буду для него — отец и мать.

А также и наставник буду с ним,
не только лишь барон и господин.
Достойна воина стезя,
и мне всегда помогут мои друзья».

«Барон так много обещает.
Но где мой сын — один Бог знает», —
так в Меерсбурге в кузнице своей
Герд Мюллер думал уже много дней.

И мыслями своими ни с кем он не делился.
А Отто, между тем, в Италии
с бароном Рейном находился.
И там не только делу ратному учился.

Он в вылазках отряда Хельмута
участие принимал.
И слава Богу, что папаша Мюллер
об этих подвигах пока не знал.

Оруженосцы в бою открытом
участия не принимают.
Они сидят в обозе, господ своих
с победой ожидают.
И Карл фон Рейн мальчишке
говорил,
чтоб он на поле боя не ходил.

За всей суровостью барона Рейна,
которая в глаза бросалась,
заботливость, как у отца
родимого скрывалась.
И как бы раньше наш Карл
суровый не хотел,
к мальчишке он всем сердцем прикипел.

Но то на поле боя не ходить,
а в жизни всё не запретить.
Малец различные задания,
кроме учебных получал.
Сейчас, к примеру, он на рынок
с корзинкой за продуктами шагал.

Барон фон Рейн был знатный
и богатый человек — мог слуг нанять,

чтобы кухарку или повара
с корзинкою на рынок посылать.

Хозяин дома, где в Парме стал Карл жить,
был рад барону (за монету) услужить.
Мог и на рынок он сходить,
и приготовить, и накормить.

Однако, Карл распорядился —
и с ним, и без него мальчишку чаще
по поручениям посылать.
Пока лишь денег не давать,
чтобы никто не мог отнять.

С утра барон фон Рейн к барону
Гессену отбыл.
Он только лишь чуток перекусил.
А Отто не с утра на рынок снарядили.
Там до обеда бывало шумно —
кухарки и хозяйки базар заплотнили.

И денег, кстати, мог Отто
на базар не брать.
Его задача была продукты
не покупать, а взять.

Один торговец барону Рейну обещал,
И, как договорились, собирал.
А деньги Карл потом ему давал.

Базар, как и во многих городах,
близ центра городского находился.
Туда наш Отто с корзинкою своей
сейчас стремился.

Не первый день он в Парме жил,
дома знакомые находил,
места известные узнавал.
Ну, в общем, не блуждал.

Хочу немного вам про рынок рассказать.
При этом помидорами прошу
в мой адрес не кидать.
Однако, рынок в Средние века и в наше время
(и это только моё лишь мнение)
отличны только оформлением.

А чем такие рынки должны
в эпохах сильно отличаться?
И в то, и в наше время
там не мешало б за карман держаться,

чтоб кошелёк не прозевать
и вслед грабителю не бежать.

Начнёте, рот разинув, смотреть
по сторонам,
тогда, приятели, не позавидую
я вам.

А посмотреть всегда на что найдётся —
в таких местах обычно
торговля бойкая ведётся.

Торговцы рыбы — тут как тут,
а рядом мясо продают.
Чтобы в Италии рыбу не продавали —
доселе мы такого не слыхали.
Хотите кур? Дальше идите.
В пекарню по дороге загляните.

«Идите» — легко лишь говорится.
Сперва вам надо
через погонщиков скота пробиться.
И от телеги с овощами увернуться.

Что, захотелось обернуться?
Конечно, запах мяса вареного

всю площадь наполняет.
Голодного дурманит, гурмана он пленяет.

Монахи тут и там
реликвии святые продают,
мальчишки — оборванцы
и под ногами, и вокруг снуют,
подстерегая ротозеев, в надежде
чем-то поживиться поскорее.

Товары на прилавках
по категориям всегда лежали.
Заветрилось — так можно
простакам отдать.
Хорошее в любое время
для господ держали.

Вот, например, пшеницу
богатый покупатель брал,
тогда, как бедный,
ячмень приобретал.

И чаще горожане
разживались серою мукой,
и даже то, что мельник им наскреб

несли они домой.

Вот к пряностям и специям лишь
знатные ходили.

А бедные не понимали в них,
и всё равно бы не купили.

Коли вы ткани или одежду
готовую хотите,

в ряды соседние идите.

Посуда, дальше мастерская скорняка,
а в конце улицы для лошадей загон —
всегда на выселках располагался он.

Любой подобный рынок бесконечен,
хоть не базар восточный, что ни говори.

Пускай он городской чертой очерчен,
но безграничен он внутри.

И, безусловно, говоря про рынок в Парме,
ведь не возможно не упоминать
про Пармезанский сыр и ветчину
их знаменитую.

Без них сюжет нам не соткать.

Там продавцов этой продукции
была масса.
Гораздо больше, чем овощей,
муки и мяса.
К такому продавцу и ветчины, и сыра
сегодня Отто направлялся.
И у него свою корзинку наполнить
мальчик собирался.

Вдруг, путь для мальчика вперёд
был прегражден —
четыре олуха дорогу перекрыли.
К тому же сзади он оплеухой был награждён —
стояли сзади двое, глаза не добрыми их были.

Такое, знаете ли, у мальчишек
всегда бывает,
когда в своём дворе или на улице,
чужого как-то повстречают.
А Отто правда был чужой, и Парма
тоже не дом родной.

Почувствовав неладное,
Отто Мюллер глазами поводил,
однако, он не отступил —

не робкого десятка был.

Мальчишек имена в истории,
конечно, затерялись.
Но они точно местными являлись,
и явно мальчика ограбить собирались.

То, что мальчишки говорили,
на Отто глядя,
не мог наш мальчик понимать —
по-итальянски они болтали.

Тут старший мальчик свистнул,
и начал Мюллера руками
в грудь толкать.
Все остальные за главным
повторять его атаку стали.

Был хитрым этот ход, известный
у уличных воришек много лет.
Пока одни несчастного толкают,
другие в это время его карманы обчищают.
А денег, как мы помним, нет.

Конечно, это не могло воришек
не разозлить.

И начали они пинать ногами,
не только руками бить.

Пока ребята лишь толкались,
наш Отто думал — мальчишки забавлялись.
Когда же начали пинать, подумал
Отто Мюллер —
пора на эту наглость отвечать.

Рукою левою, свободной,
соперника толкнул,
ногою правою другого пнул.
Потом налево и направо корзиной
стал всех бить.
Корзинка, при известных обстоятельствах,
оружием, как оказалось, тоже может быть.

Однако, силы были не равны —
и за руки схватили,
корзинку вырвали, на землю повалили.
Как повалили, всей оравой начали пинать.
Но в планы Отто не входило погибать.

Была телега рядом, он под неё перекатился.
И тут же с другой он стороны телеги очутился.
Капуста, которая на ней лежала,
мгновенно под руки его попала.

Мальчишки начали друг в друга
капустою кидаться.
Успел откуда-то хозяин этого товара
на шум примчаться.
И тех и этих хотят унять.
Куда там, сперва попробуй их поймать.

Шум, гам, и крики, и толчея —
ну, прямо битва происходит.
Схватил наш Отто
палку под телегой, и машет ею.

Он с палкой страшен,
к нему никто уж не подходит.
Двоих наш Отто палкой «наградил» —
отряд нахалов отступил.
Прекрасно за год тренировок
Карл Рейн мальчишку научил.

Вдруг сзади чья-то крепкая рука

за шиворот схватила паренька.
А это был торговец —
Джузеппо Алигьери,
к которому наш Отто и спешил.

Держа мальчишку, он его разоружил.
Не отпуская, так его спросил:
«Ну, шалопай, зачем ты это натворил?»

Оправдываться было бесполезно.
Не потому, что «ничего не совершал».
Но как ребёнку-немцу оправдаться,
когда он итальянского не знал?

Джузеппо Алигьери не узнал мальчишку,
хотя барон фон Рейн и приводил его.
Сейчас же было шумно слишком.
Зато увидел среди хулиганов он сына своего.

Как только мальчика позвали,
то мы узнали — не всех мальчишек
имена в истории пропали.
«Джакомо! Подойди сюда, пострел.
Что здесь произошло? И почему ты не у дел?»

Джакомо, видно было со стороны,
отца боялся.

Он начал лепетать,
пока ещё лишь приближался:
«Он, папа, сам на нас напал.
Никто из нас не ожидал...»

Тут голос громогласный прозвучал:
«Ты хочешь всем сейчас сказать,
что этот малый шесть человек
решил атаковать?
Он или безрассудно смел,
иль бесконечно туп.
Однако я не знал, что Отто мой так глуп».

Все посмотрели — кто это сказал.
В доспехах черных, на коне чернее ночи
Сэр «Чёрный рыцарь» восседал.

Да, это Хельмут был. Он мимо проезжал.
На счастье Отто нашего
в историю он эту встрял.

Отправился виконт де Эжен

с Магистром Ордена поговорить.
Увидел всю эту историю.
Вмешался лишь тогда,
когда понадобилось Отто защитить.

До этого со стороны он наблюдал,
как ловко его мальчик все атаки
нападавших отбивал.
Вступился также по тому,
что Отто итальянского не знал.

Он Отто Мюллера послушал
и сам проговорил:
«Я видел всё, мой мальчик, хвалю тебя.
И, думаю, что и барон бы Рейн тебя хвалил.

Один ты справился с шестью напавшими.
Ты выстоял, ты победил.
А за капусту тебе не стоит переживать.
Твои соперники должны
всё оплатить, и всё убрать».

Когда всё так счастливо разрешилось,
дорога к дому Алигьери завершилась,
продукты Отто все в корзинку уложил,

в дом Карла Рейна поспешил.

А Хельмут де Эжен
путь продолжал.
Он путь сегодня свой
к Магистру Ульриху держал.

Глава 5. «Разговор Хельмута с Магистром»

Магистр Ульрих в Парме
в том доме проживал,
который ранее командующему
да Боццоло принадлежал.
К нему-то Хельмут де Эжен
сейчас свой путь держал.

Кто хочет в Парме, в доме
да Боццоло побывать,
сначала должен его имя
правильно назвать.
Гонзаго Федерико прозвище —
«да Боццоло» по местности носил.
В романе предыдущем лишь
для рифмы его я применил.
Роман не чисто исторический,
Гонзаго не главный в нём герой.
Однако, с этим человеком
пересекался Хельмут мой.

И не коснуться личности его

я не могу.

Гонзаго Федерико — враг, но
надо уделять внимание и врагу.

Гонзаго был старинный сеньориальный род.

Из Мантуи тот род начало брал.

Лишь в 1530 году Карл V

за службу титул герцогов им даровал.

А до того момента маркизов титул
этот род носил.

Весьма влиятельным в Италии

и Франции он был.

Дом Федерико да Гонзаго в Парме
был дом не родовой.

Маркиз из Мантуи ведь был,

вот там он и имел красивый

и богатый замок свой.

Провинция Сан-Мартино — далл'Арджине
маркизу да Гонзаго принадлежала.

Это на западе провинции Мантуя было,

и не туда, конечно же, дорога пролегала.

Владения Боццоло, Ривароло

и Изола Доварезе
не в Парме тоже находились.
Дороги Хельмута де Эжена
и Магистра Ордена
не там, конечно же, сходились.

Богатые и знатные вельможи
провинциями, городами —
не только замками владели.
И в каждой, из указанных провинций,
маркизы да Гонзаго свой замок
красивейший имели.
Колонны, арки, балюстрада...
И каждый замок поражает красотой.
Но не туда сегодня надо
направить нам стопы, читатель дорогой.
Нет — нет, совсем не к этим замкам
виконт де Эжен сейчас шагал.
Иной и важности, и архитектуры
он нынче в Парме дом искал.
Магистр Ульрих в центре Пармы
дом большой занял.
И Хельмут этот дом
по лошадям бы опознал.

Могучий конь породы шайра,
который командиру их принадлежал,

у входа в дом означенный,
среди остальных коней, сейчас стоял.

Дом был большой,
и зала в нем была большая.
Магистр в этой зале был.
Уже с утра вопросов уйму,
как всегда, решая,
он на столе бумаги разложил.

Увидев Хельмута, Вильгельм фон Ульрих
взгляд от бумаг и писем оторвал,
и, бросив их на стол, вошедшему сказал:
«А, Хельмут, брат мой, я уже вас ждал».

«Приветствую Вас, мой господин,
и я б хотел сегодня с вами поговорить...» —
виконт ответил и остановился.
«Да?» — Магистр поднял брови —
он удивился.

«О чём же? Говорите поскорей.
Надеюсь, провианта достаточно
у вас, и корма у ваших лошадей?»
«Еда для воинов, для лошадей еда...

Проблемы в этом нету никакой.
Признаться, это в сытой Парме
провизия не беда.
Осталось накормить их всех
и пармезанским сыром,
и пармезанской ветчиной».
«Что ж привело тогда тебя,
мой брат, в сей час,
и почему в доспехах ты сейчас?»
Виконт де Эжен шлем чёрный отложил,
весьма загадочно проговорил:
«Скоропостижная Понтифика кончина
всех, безусловно, удивляет.

Но принятых решений,
и совершенных действий
она, конечно же, не отменяет».
Качнув немного головой, и улыбнувшись
(а Хельмут не заметил),
Вильгельм фон Ульрих
на это так ответил:
«Глубокомысленные рассуждения,
нечего сказать.
С чего такие мысли, мой друг,
вас стали посещать?»

Герой наш на эфес тут руку положил,

весьма серьёзно заговорил:
«Ушедший Папа Лев X
меня в Пьяченце наградил.
Он, как известно Вам, мой господин,
мне Орден» Шпоры золотой» вручил.
Однако, тяготит меня вручение
награды.
Не надо бы её мне получать.
Не надо».

Магистр Ульрих похлопал
виконта по груди:
«Ну-ну, мой друг, награду эту
ты достойно получил.
Из всех из нас её ты больше всех,
пожалуй, заслужил.
На что уж ревностно к чужим
победам отношусь,
и, всё-таки, мой дорогой виконт,
тобою я, как лучшим воином
своим, горжусь.
Особый блеск и лоск победам
ты придаёшь,
и наших рыцарей отчаянно ты
за собой ведёшь.
А твои планы... Тебе всегда я говорю —
ты сумасшедший. Но тебя
за это я люблю».

Но Хельмут, видно, не доволен был:

«Да, мне сказали, что награды
я достоин.

Вы говорите, что я — хороший воин.

Но только тот, кто мне награду
эту вручил,
меня как будто бы купил».

Магистр удивился:

«Что это значит? Ты бы пояснил.

Тем более, что Лев Х уже почил».

Виконт не медля продолжал,
казалось, что его сейчас
никто бы не удержал:

«Я не боюсь, что повторюсь —
своей наградой я ни капли
не горжусь.

Продажный Папа и, при том,
публично мои заслуги оценил.

Он не возвысил меня этим,
как кому-то кажется.

Мне думается, что меня
он этим оскорбил.

Не важно, что этот

Папа Римский уже почил,
а важно то, что натворил.
Понтификат, который за деньги
должности даёт,
меня при всех в свою
когорту теперь берёт?
Вручением ордена меня как-будто
посветили,
к себе приблизили, в свой круг впустили.
Я в рыцари был посвящен —
прошёл торжественный обряд.
С военной службою как-будто
обручен,
и этому безмерно рад.
Теперь я — рыцарь! Вы меня —
рукоположили.
И тем обязанности дали,
ответственность на плечи возложили.

Я знаю, что теперь я Ордену
служу.
Его заветами дышу отныне,
себе уже я не принадлежу.
Они! Они мне орден публично дали.
Они! Мои заслуги подчеркнули
и признали.
И что теперь? В ответ, как Ордену,
я должен им служить?

Или, как минимум, лояльным
к решениям их, и политике их
быть?

Меня же, видите ли, поощрили,
отметили, благодарили.

Выходит, что они ждут,
чтоб мне подобные
хвалебные им оды говорили?

Те, кто торгует совестью своей,
грехи скупая у людей,
и индульгенции продают,
решили подобраться к совести моей?

Но только просчитались они тут.

Не мог открыто я в Пьяченце
всё это им сказать —

меня врасплох они тогда сумели взять.

Но как теперь, скажите, быть?

Как быть, Милорд? Как с этим жить?»

Вильгельм фон Ульрих, качая головой,
сказал на это:

«Ах, мальчик мой!

Мне говорили, что который день
ты сам не свой.

Теперь я ясно вижу, что с тобой.

Ты честен, друг мой, прямолинеен
и открыт.

Любое нечестивое поведение,
как я уж понял, тебе претит.

Я понимаю, почему ты с мыслями такими

именно ко мне пришёл.
По вере брата ты во мне нашёл.
А что друзья твои, ты с ними
об этом не говорил?»
Ответил Хельмут:
«Я не хочу, чтоб сонм сомнений
религиозных
моим ребятам душу бережил.
Зигмунд, Эдгард и Мартин
способны здраво и спокойно
рассуждать.
И то, не знаю, как смогли бы
такие мысли для себя они принять.

А что до остальных... Уж больно
Бернд, Карл, Иоганн горячи,
и могут полыхнуть они до срока,
как тот огонь, что вырвется однажды из печи».
Магистр Ульрих продолжал:
«Тогда меня, мой друг, мой брат,
послушай.

Попробую я исцелить
твою больную душу.
Хотя, от врачевания я весьма далек,
но отпустить тебя таким уже бы
я не мог.

Не Папе Римскому ты служишь,
ни живому и ни мертвому, а мне.
Твоею службой доволен я вполне.
Колонне служишь ты — кондотьер
Проспер Колонна тебя нанял.
И здесь ты тоже не сплеховал.
Ты служишь Императору, и все
ему мы подчиняемся,
поскольку, как ни крути, все
подданными Карла V являемся.
И получение награды ни к чему
тебя не может обязать.
И что вручил её продажный Папа,
никто тебе не будет вспоминать.
Пускай тебя всё это не тревожит,
всё поменяться скоро может.
По моим сведениям, с кандидатурой Папы
наш Император определился.
Назначить Папой Буйенса Адриана
Карл Габсбург распорядился.
На трон Понтифика
наставника он своего сажает,
и тем он власть свою,
бесспорно, укрепляет.

Хотя, куда там больше укреплять.
Подумать только —
Папу не выбирать, а назначать.

Известно, что он набожен и справедлив,
католик истинный и не спесив.

Не жаден, мздоимство не поощряет,
и, говорят ещё, он индульгенции
не одобряет.

Грядут перемены, я их ощутил,
хоть колдуном никогда я не был.

Нам нужно терпения только набраться,
и перемен этих, брат мой, дожждаться.

Надеюсь, тебя успокоил немного.

Однако, я вижу — ты собрался в дорогу.

Иначе, зачем бы доспехи надел?

Об этом бы ты рассказать не хотел?»

Сказал на это наш герой:

«Не то, чтоб в дальнюю дорогу...

Побывать мне надо одному немного...»

На это Ульрих отвечал:

«Насколько знаю я, твою упрямую натуру,
мне силою тебя не удержать.

Так отправляйся. За два дня не вернёшься —
твоих друзей отправлю я
тебя искать».

Что ж, не успели того,
что думал Магистр обсудить,
но, видно было, что виконта уж
не остановить.

На этом, собственно, и распрощались.

И хорошо ещё, что пообщались,
пред тем, как Хельмут решил отбыть.

Ведь в состоянии таком беды б
не натворить.

И, провожая виконта взглядом,
Магистр думал:

«Видали вы? Какой!

Не отпускать, держать такого рядом.

Ну, перебесится. Он просто молодой».

Глава 6. «Папа Адриан VI — действия и последствия»

Магистр прав был — перемены начинались.
И разных сфер они касались.
Кого-то радовали, кого-то огорчали.
И Орден, кстати, они тоже задевали.
Однако, будем по-порядку излагать,
чтобы читателя не путать,
и самому бы среди потока информации,
как в тёмной чаше, не блуждать.

Итак, 9 января в год
тысяча пятьсот двадцать второй
Понтификом того избрали,
кого из канцелярии Императора
Конклаву рекомендовали.
И выбор кандидата, конечно,
не случайным оказался.
Ведь Адриан Буйенс ван Утрехт
наставником для Императора
являлся.
Наставничество начиналось
в те дальние года,
когда история Карла V была

ещё так молода.

Дед Карла — Император Максимилиан,
ван Утрехта в наставники ему определил.
И тем, пожалуй, и воспитание
наследника престола своей Империи,
да и судьбу престола в Ватикане
он предопределил.

Голландец по происхождению,
из бедной он семьи происходил.
Однако, получил образование,
и даже молодых учил,
пока к наставничеству Карла V
не приступил.

Зачем его историю решили мы
тут излагать?

Он — человек эпохи той,
при чём известный.

Его решения не могли
на всю историю Европы не влиять.

А Хельмут в эпицентре истории
как раз и находился,
и мир, меняющий на глазах,
вокруг него крутился.

И то, что кто-то где-то начал затевать,
его, конечно, тоже стало задевать.
В миру — ван Утрехт Адриан Буйенс,
в служении имя — Адриан VI себе
избрал.

И года он не правил в Ватикане,
но славу «Добродетельнейшего
Папы Римского» снискал.
Он первым делом решился
тут же отменить
то, что Джованни Медичи успел
уже внедрить.

Предшественники — Папы, все блестящими
(по-своему, конечно) были.
Они сомнительную славу заслужили.
Был Папа Борджиа — Александр VI,
прекрасно в ядах разбирался.
Но он жил с дочерью,
как будто бы с женой.
Таким в истории он и остался.

Юлий II и Лев X
чуть меньше выделялись.
Но и они «служением истинным»
не отличались.

Один всё карнавалами
и праздниками увлекался,
да по борделям с куртизанками
он развлекался.

Другой охоту так любил —
на ней он чаще, чем на службе
в церкви был.

Грехи людские подмечали,
своих, при том, не замечали.

Джованни Медичи был
образован широко,
в догматах церкви он прекрасно разбирался.
Но утверждали злые языки —
совсем не верующим в Бога он являлся.

Указанные Папы Римские (все трое)
аристократию и роскошь
олицетворив собою,
к служению пастырскому
стремления не имели.

За счёт нищавшего народа
и жировали, и дальше богатели.
Такая церковь раздражение

у граждан вызывала.

А некоторых из прихожан,
особенно недовольных,
и к действиям решительным
призывала.

Не только нравами верховного духовенства
все прихожане возмущались.
Не нравилось, что индульгенции
за прощение грехов
повсюду продавались.
Необразованность священников заносчивых
порой уже за рамки выходила так,
они ни «Отче наш» не знали,
ни «Блаженного Августина».
А это, согласитесь, не пустяк.
И тут Благочестивый Папа появился.
Он первым делом индульгенции
не продавать — распорядился.
Народ простой вздохнул в Европе
облегчённо.
И новых ждать решений Папы
он стал увлеченно.
И ожиданий простого люда
Адриан VI обманывать не стал —
всех новоиспеченных кардиналов,

в «свои» провинции из Рима он послал.
Известно было — должности епископа
и кардинала продавались.
Служить же в тех провинциях,
к которым они «принадлежали»,
хозяева должностей не собирались.

Доход с своих провинций получали,
и в Риме весело их проживали.
Там, где богатые люди развлекались,
там неизменно и куртизанки,
и воры всех мастей когда-то
появлялись.

И Рим в итоге вертеп собою представлял,
который человек, не Бог создал.
Когда ж из Рима всех послали прочь,
то потянулись караваны во все стороны.
Они тянулись грустно день и ночь.
Раз нет хозяев, нет аристократов,
уехали вельможи,
то куртизанки развлечений
и доходов лишились тоже.

Авантюристы, воры,
сброд подобный им
все, как один,
покинули «свой Рим».

Отправились — кто к пастве,
раз шапку кардинальскую имел,
кто по лесам и по дорогам —
прохожих грабить,
коль посчитал, что ловок, везуч и смел.

И банд отныне много по лесам
и по горам таскалось.
Прохожих: конных — пеших,
богатых — бедных...
достаточно им попадалось.
Намерения Папы Адриана
хоть были изначально и благие,
имели, впрочем, и последствия
совсем иные.

Глава 7. «Хельмут и разбойники»

Был день в разгаре, когда Хельмут,
покинув Парму, в лес
за стеною городской углубился.
Хотел подумать он один,
и к одиночеству сейчас стремился.

Его сомнения разные терзали,
хотя, что в городе, что
за пределами его, а совладал бы
с ними он едва ли.

Торжественно и пафосно
Сэр Чёрный рыцарь
через ворота Пармы проезжал.
И каждый человек,
кто в это время его видел,
фигуру рыцаря такого
благоговейным взглядом провожал.

Лес встретил Хельмута
прохладой и тишиной.

Давно уж дом покинул он родной,
давно не видела его семья...
Дом — в Меерсбурге, друзья теперь родня.

И Меерсбург теперь забыт,
а от друзей он сам бежит.
Друзьям всё смех, и всё бравада.
А Хельмуту это сейчас не надо.

И если б Эльза здесь была,
она б виконта поняла.
Когда вдвоём в лесу гуляли,
без слов друг друга понимали.

Один лишь взгляд,
и слов не нужно говорить.
Как тяжело на расстоянии любить.
Повсюду девушки найдутся,
но только вот любимую они
наверядли назовутся.

Как шумно, весело среди друзей...
Но Хельмуту хотелось к девушке своей.
Ещё история с этим награждением.
Магистр успокаивал, но,

всё же, есть сомнения.

А как сомнениям не быть?
По воле волн, как щепка плыть?
Но он попал в водоворот,
его течение несёт.

Хотелось строить жизнь свою,
и жить с любимой, как в раю.
Но он сейчас в чужом краю,
хоть не один, но он в строю.

Всё бросить, сделать шаг вперёд.
Но долг есть рыцарский,
и он зовёт.
И этот долг его ведёт, ему велит,
как жить, что делать — говорит.

Нет, он не бросит всё здесь,
и в Ротенбург к любимой не помчится.
Ведь есть понятие — честь.
И потерять её... Из-за любви такое
даже не случится.

Он с этим справится,
уж какнибудь переживёт.
И остальное тоже не его забота.
Господь решил, его стезя —
военная работа.
Работу надо делать
и вся печаль пройдёт.

Господь его оберегает,
хотя, конечно, испытания посылает.
Их Хельмут стойко принимает,
ведь Господу он доверяет.

Да, мыслей много у виконта накопилось.
Вся жизнь сейчас вокруг войны крутилась.
А жизнь вокруг нельзя остановить.
И надо самому про всё подумать.
Полезно иногда наедине
с самим собой побыть.

Спокойно ехал Хельмут через лес,
и размышлял.
Вдруг шум какой-то
эти размышления прервал.
Там, за деревьями, у самых гор,
услышал Чёрный рыцарь разговор.

Скорее это был не разговор,
а шумный спор.
Пока Роланд и Хельмут приближались,
слова всё явственнее различались.

Герой наш слез с Роланда,
а сам через кусты поближе подобрался.
Раздвинул ветки. Перед ним
театр драмы открывался.

У самых гор, возле большого камня
три человека сейчас стояли,
и очень громко спорили они,
и ничего, как видно, не скрывали.

Начало разговора Хельмут
не захватил.
Возможно, шумное приветствие
он пропустил.
Вся суть их разговора, похоже,
откроется сейчас.
Итак, мы продолжаем наш рассказ.

Один из трёх людей какую-то девицу,
как охотничий трофей привёз.
У остальных же это вызвало вопрос.

Прислушиваясь, Хельмут услышал,
как каждый из мужчин
по имени другого называл.

«Фердано, Oh, mamma mia,
что ты натворил?
Зачем девченку эту,
сюда ты притащил?» —
кричал косматый человек,
с кудрявой черной бородой.
Он был от злости явно сам не свой.

«Бертуччо прав», — добавил человек
в камзоле грязном, —
«кого ни попадя сюда
тащить опасно...»

А бородатый тут же пришёл
«камзолу» на подмогу:
«Здесь город близко,
нас обнаружить могут...»

Фердано — тот, который
девицу и привёз,
готов ответить был
на каждый их вопрос.

Но места, чтобы слово вставить,
он не находил —
по-итальянски разговор
их проходил:

«Бертуччо, Бруно, ну,
что вы взъелись, братцы?
Мне тайно удалось сюда добраться.
И ни одна собака прознать
не в состоянии.
Продумываю я дела заранее.

Солерно у меня просил, чтоб я
из города девчонку прихватил,
когда обратный путь буду держать.
А брату не могу я отказать...»

Вскричал Бертуччо: «Фердано,

вы с Солерно — два идиота?
Вам за девчонкой этой хвост
привести охота?
Хотите, чтобы банду всю накрыли?
Ну, вы меня порядком разозлили!»

Добавил Бруно: «На чёрта эта
девка вам сдалась?»

«Брат говорил, чтоб банда развлекалась», —
сказал Фердано и похлопал девушку,
привязанную к лошади, по ягодицам, —
«по-моему, так сочная девица».

Но разговор их так стремился
к потасовке,
что даже Хельмуту остаться
в стороне было неловко.
Он даже не за драку переживал.
Он не любил, чтоб
кто-то слабых обижал.

А девушке сейчас
грозило надругательство.
«Ну, что же, придётся вам

вступить за неё, ваше сиятельство» —
он так себе в душе проговорил.
А в это время уж из укрытия он выходил.

«Эй, вы!» — вскричал Сэр Чёрный рыцарь,
выходя из-за кустов, —
«Я с вами говорить сейчас готов.

Немедленно девицу отпустите,
и извинения ей принесите.
Не то, иметь вы дело будите
со мной...»

Бертуччо, Бруно и Фердано обернулись:
«А это кто такой?»

Бертуччо головой
и бороною черной закачал,
и, словно от обиды,
в лицо Фердано закричал:

«Вот то, о чем я говорил.
Ты рыцаря за девкой с собою прихватил?»
А дальше к рыцарю он обратился,

а сам за меч короткий свой схватился:
«Кто ты такой? Уж больно грозен».

«Я — Чёрный рыцарь!» —
ответил сурово Хельмут.

«Но так ли ты серьёзен?
Что, если мы откажемся,
и к дьяволу пошлём тебя?»

«Тогда пеняйте на себя.
С вами тремя разделаюсь сейчас.
И это будет ваш последний час».

Герой наш «Ариньяка» —
двуручный меч в руках держал.
Не на словах бандитам угрожал.
Все трое вышли перед ним.

Виконт ударом справа влево
разделался сперва с одним.
Удар мечем, горизонтальный он нанёс,
противника он просто снёс.
Тот отлетел и больше не поднялся.

А Хельмут следующим уже занялся.

Он пауз между ударами не оставлял.
Описывать всегда мне дольше,
чем бой какой-то протекал.
От левого соперника удар направо
горизонтально.
Упал второй соперник моментально.

Виконта было не остановить,
он поднял тут же меч
над головой —
и сверху вниз нанес удар очередной.
И третий, как и те другие, повержен был.
И каждый дух свой испустил.

Доспехов у бандитов не было,
меч острый, крепка и опытна рука.
Победа рыцаря была
предрешена наверняка.

А Чёрный рыцарь обернулся и стал
глазами лошадь он искать.
Хотел сейчас же
связанную девушку он развязать.

Но лошадь, видно, драки испугалась,
и вместе с девушкой она умчалась.

И где её теперь искать?
Обычно лошадь не стремится
от хозяина сбежать.
Да только лошадь эту Фердано
в городе украл.
Теперь, наверное, инстинкт её
домой позвал.

Об этом было думать не досуг.
Раздался треск, как будто
обломили сук.
И Хельмут увидал перед собой
бродяг, бандитов, оборванцев,
валивших шумною толпой.

Его бандиты тоже увидали,
и быстро то,
что здесь случилось «прочитали».
Кто б ни был этот Чёрный рыцарь,
а он друзей убил.

И, стало быть, черту, конечно,

он преступил.

Им надо незнакомца немедленно убить,
чтоб за друзей погибших отомстить.

А Чёрный рыцарь спокойно
и уверенно стоял.

Своих соперников через забрало
он изучал.

Герой наш с места не сходил,
глазами только всех обводил:

«У одного был бацинет,
а у кого-то и кольчуги нет.
Один с дубиной, а у кого-то меч.
Один в платке, другой был лысый,
а кто-то с космами до плеч.

Да, разношерстный был народ.
Сказать по чести, так сущий сброд.
Но их намного больше, они вооружены...
Ну, что ж, испробуем, мы в деле,
как эти воины сильны».

Поднял наш Хельмут меч,
в позицию встал.

Не долго нападения бандитов ждал.
Их главный (и, кстати, это Солерно был),
в атаку сразу всех своих «собак спустил».

Удар налево, удар направо,
и враг отбит.
Кружение, поворот, удар...
Один уже лежит.

Потом мгновенно обернуться,
и от дубины увернуться.
Удар дубины пришёлся в землю —
отбить её пинком,
И левою рукою хозяину дубины
заехать в зубы кулаком.

А там уж сзади наседают,
и за руки, за меч хватают.
Один бандит запрыгнул
Хельмуту на плечи.
Но удержаться на доспехах...
О том в пылу борьбы не может
быть и речи.

Кружиться Хельмут начал резко,

и сбросил, наскочившего так дерзко.
При этом, падая,
бандит приятеля подбил,
который рыцаря за руки ухватил.

Освободившейся рукой,
виконт нанёс удар железный свой.
По всему кругу бандиты атакуют.
Один бандит метнул копье —
сулицу небольшую.

Но рыцарь начеку,
движением руки копье отбил,
и тут же нисходящий слева вправо
нанёс удар по нападавшему,
который близко подступил.

Мечем удары Хельмут отсекает,
и кружится, на расстояние меча
врагов к себе не подпускает.
Враги у Хельмута весьма активны
и спесивы.
Шакалы в стае лишь смелы,
по одному они всегда трусливы.

Удар, и меч касается меча,
соскальзывает по руке бандита.
И рвётся ткань камзола у плеча —
он ранен...
За ним другой напал,
и тут же грудь его пробита.

Отход. Не стоит
на поверженных смотреть.
Чуть зазеваешься, и
поздоровается с тобою смерть.

Её присутствие на поле боя
довольно ощутимо.
Она своё всегда возьмёт,
неоспоримо.

Удар наносят сверху. Герой наш
двумя руками меч подставляет,
и попадания в голову он избегает.
И тут же слева кто-то — ему локтем,
и с разворота сверху вниз добить его мечем.

А там и справа кто-то...
Меч вправо по большой дуге летит.

Через секунду нападающий уже
в крови лежит.

Хруст сломанных костей,
и брызги крови разлетаются.
Повсюду на этом поле боя тела
поверженных врагов валяются.

Измотан Хельмут, но передышки
быть не может ни какой.
Враг наседает и, значит, рыцарь
продолжает этот бой.

Нельзя оружием рыцаря победить,
ну, значит, его надо завалить.
Сбить с ног виконта нашего пытаются,
он уворачивается и уклоняется.

Наскок. Пригнулся Хельмут.
Через него соперник перелетает.
Этот полёт безумца, рыцарь
своим ударом сопровождает.

Он бьёт всей силой, левою рукой,

вонзая следом в тело неприятеля меч свой.
Бандит упавший не смог уже подняться...

Виконт де Эжен тут поднял голову
и посмотрел вперёд.
Что? Арбалет нацелен на него?
Немедленно стрелком заняться.

Тот, кто до этого нападал,
при кувырке с падением
топор свой потерял.
Виконт немедленно топор поднял.

Замах. И в арбалетчика
топор был метко брошен.
Ударом в лоб был враг убит,
не просто огорошен.

И тут же рыцаря с позиции
этой сбили,
прижали к валуну большому,
под панцирь нож вонзили.
Распяли руки двое, а третий
нож втыкал.
И боль мгновенно Хельмут испытал.

Кого другого, может быть,
и удалось бы в этот миг сломить.
Но Чёрный рыцарь из другого теста,
его так просто не победить.

Оружия нет, и держат за руки враги руками,
ну, значит, будет биться он ногами.
Пинок. С ножом соперник отлетает.

И правый, от неожиданности
хватку ослабляет.
А большего и нечего хотеть —
рывком наш Хельмут
руку высвобождает.

И сразу левого разбойника хватает,
на правого его толкает.
Казалось бы, он снова может
битву продолжать,
лишь стоит только меч поднять.

Однако, бой не может длиться вечно.
Любая рыцарская техника, будь

трижды безупречна,
не может долго вас спасать,
когда один решите вы толпу атаковать.

Контроль над ситуацией вокруг,
спасаясь от захвата,
виконт де Эжен, конечно, потерял.
И в этот миг разбойник бородатый
из-за большого камня по ногам
его мечем атаковал.

Подкошенный виконт согнул колено,
к мечу тянулась рыцаря рука.
Но в битве тут случилась перемена...
Она и Хельмута расстроила,
и вас расстроит наверняка.

Ранение в ногу, ранение в левый бок.
Конечно, Хельмут ещё б отбиться
мог.
Но вероломно сзади сеть была брошена.
И лошадь тоже заарканена бывает,
бывает и стреножена.

Скрутили рыцаря,

на землю повалили.

И в этой сети в какую-то
пещеру потащили.

Глава 8. «Лошадь без седока — дурная примета»

Все в Парме видели и рыцаря —
большого чёрного, и его коня.
И это было и с момента взятия города,
и нынче — в начале дня.

Да, «Чёрный рыцарь» явно
выделялся среди остальных.
Всегда спокойнее на людях
он казался друзей своих.

И внешним видом,
и степенностью своей
был Хельмут не похож
на большинство своих друзей.

И конь героя нашего,
конечно, хозяину под стать.
Особая порода, особый вид,
солидность за версту видать.

Их вместе видели и любовались,
и, взгляд не в силах оторвать,
смотрели долго — восхищались.
Завидовали, не смея
о коне таком мечтать.

И каково же было удивление —
коня без седока явление.
Когда он вечером того же дня
один пришёл.
Роланд был умный конь, поэтому
дорогу он нашёл.

А перед этим ещё одно
событие случилось —
девица в город на лошади явилась.
Явилась, так явилась, подумаешь,
что за дела?
Нюанс — девица связана, и
к лошади привязана была.

В девице куртизанку опознали,
которую недавно в городе видали.
Но где она была, пока никто
не знал —

когда её Фердано вёз, глаза ей завязал.

Девицу ту, конечно, расспросили.
Умом красotka от испуга не блистала,
и мало что освободившим рассказала:
«Я, помню, накануне напоили.

А утром оказалось, что связали.
Потом на лошади везли куда-то...
Меня простите, я не виновата...»

«Ты, лучше, вспоминай детали —
кто как одет, кого как звали,» —
ей бургомистр Пармы пытался втолковать.
По долгу службы должен был
он это дело разобрать.

«Я, Ваша Светлость, не могла видеть —
глаза мне завязали...»

«Но, может быть, они друг друга
по имени, по кличкам называли...»

«О, Господи ты, Боже мой,
они же так кричали.
А, вспомнила — Бертуччо, Бруно и,
кажется, Фердано — они друг друга
величали...»

Пока все обстоятельства
не установили,
девицу в карцер определили.

«Какая редкостная, всё-таки,
тупица,» — заметил бургомистр,
как только была удалена девица, —
«всё, что она сказала, нам ни чуть
не пригодится.

В Италии второго каждого
и Бруно, и Бертуччо звать.
А вот Фердано — имя редкое.
Быть может, стоит здесь нам поискать.

Фердано, м-да Фердано...» —
словно молитву бургомистр повторял.
И вдруг сказал, и даже просиял:
«Сдаётся мне, про одного Фердано

я уже слышал.

Он — брат известного... Ну, как его?

Такой подлец, такой нахал.

Свою догадку вам пока не говорю,

хочу проверить версию свою.

Подите, и спросите у неё», —

он обратился к секретарю —

«быть может чьё-то имя

ещё звучало?

Да только нам его она

пока не называла?»

По канцелярии бургомистр

задумчиво ходил,

когда явился секретарь.

Он доложил:

«Та девушка сказала, что тот,

который её связал, имя Солерно

упоминал...»

Тут бургомистр остановился и

всплеснул руками: " Так я и знал!
И мои худшие опасения подтвердились —
опять на земли наши Солерно
и его разбойники явились.

Война-войной, но даже в это время
без разбойников Солерно,
наш город спокойно жил».
И с этой информацией бургомистр,
немедля, к Магистру Ульриху
уже спешил.

Магистр был не просто зол,
был в ярости, был вне себя.
Чуть-чуть спокойнее, чем
Хельмута друзья.

Они у дома Вильгельма Ульриха
сейчас стояли,
и в наступивших сумерках,
при свете факелов
искру из глаз метали.

Никто не знал — куда бежать?
Где Хельмута теперь искать?

Но что-то надо было
срочно предпринять.

«С коня упал... Такого быть не может..»

«Но конь один пришёл...»

«И что с того же?»

«Скорей на поиски виконта отправляться...»

«Куда бежать? Куда скакать?
Куда податься?»

«Врагов мне армию подайте —
я всех побью.
В открытом, честном всех побью бою.
Хоть сразу всех, а хоть по одному.
А здесь... Что делать? Где враг?
Я не пойму».

Магистр про Роланда знал —

ему, конечно, доложили.

Но первым делом, про пришедшего коня,
друзьям виконта сообщили.

Когда Магистр о случившемся узнал,
он только волосы из бороды не рвал.
Так стукнул по столу он кулаком,
что загудел не стол, а целый дом:

«Зачем, зачем его я отпустил?
Ведь я же видел, каким он приходил.
К тому же, один он ехать намеревался.
И вот, теперь беда какая-то.
Ах, кто бы догадался?»

Не надо думать, что очень уж
эмоционально,
вся ситуация Магистром и
его бойцами воспринималась.

Они ведь жили в средневековье,
а тогда приметам
внимание совсем другое уделялось.

Примету одну точно знали
те, кто на лошади скакали.
Коль конь домой без седока придёт,
то всех какое-то несчастье ждёт.

Магистр Вильгельм фон Ульрих приказал:
«Отряду Хельмута явиться всем и ждать!
По поискам пропавшего виконта
решение надо принимать!»

Ещё послушать надо, что будет
бургомистр говорить.
Должно, наверное,
его расследование какой-то
свет пролить.

Быть может, связаны истории
с конями между собой.
Тут надо поразмыслить, и,
безусловно, со спокойной головой.

Заслушав бургамиистра, Магистр
сказал: «Наличие банды нас
огорчает, но не смущает.
Но на судьбу виконта это

свет пока не проливает.

Хотел бы лично я девицу эту
увидать,
чтобы вопросы нужные ей
самому задать».

Как только девушку доставили,
Вильгельм фон Ульрих у неё спросил:
«Скажи, ты всех нам назвала?
Или ещё там кто-то был?»

Несчастливая девица засмушалась,
заметно было, что она боялась:
«Я, господин Магистр (сказала, как научили),
так помню плохо. Они ругались
так громко меж собой.
И хорошо ещё, что не убили...»

«То, что жива ты — это очевидно.
Мы знаем, что ты связана была,
и было ничего не видно.
Троих ты слышала по именам.
Но вот, что интересно нам —

там будто кто-то ещё был.
Припомни, с ними кто-то говорил?»

Возникла пауза, и девушка
как будто что-то вспоминала.
Подумав, неуверенно она сказала:
«Мне кажется, им кто-то угрожал.
Но кто-то, кто к их банде не принадлежал».

«С чего решила ты, что он не их
приятелем являлся?»

«Он, господин мой, рыцарем назвался...»

«Всё сходится!» — вскричал Магистр,
«это виконт. Он их атаковал!
Мне думается, бургомистр, что
след я верный взял.

Нам надо только утра дожждаться,
и в лес скорее отправляться.
И чтобы время не терять,
должны мы на рассвете

в поход свой выступать».

Позвали рыцарей,
которые уже заждались.
Им объявили, чтобы спать
пока все отправлялись,

что с первыми лучами выступать,
что в темноте нет смысла банду
в лесу искать.

И девушку нет смысла брать —
глаза были завязаны,
не сможет места она узнать.
А отпускать её пока не стоит,
должна ещё бандитов опознать.

Но мало кто той ночью спал.
Мечи точили, молились Богу,
и каждый отомстить
за Хельмута желал.
Еще не рассвело,
когда отправились в дорогу.

Глава 9. «Разбойники скрылись»

Не спали в Парме рыцари, которые
в отряд спасения Хельмута входили.
В него, кроме отряда Хельмута,
уже известного,
ещё порядка двадцати бойцов включили.

В лесу Солерно и его разбойники
тоже не спали.
Они, собравшись у костра,
историю сегодняшнюю обсуждали.
Погиб Бертуччо, и Бруно тоже пал.

Но больше всех, конечно,
главарь Солерно смерть брата переживал:
«Фердано, ох, мой брат Фердано.
Что я скажу, когда узнает мама?

Ты был её любимейший сынок.
Мой младший брат Фердано,
я уберечь тебя не смог...»
Солерно смотрел на языки костра,

и сокрушался.

Сегодня из-за рыцаря, лежащего в углу,
без брата он остался.

Как пляшут языки костра,
пещеру освещая...

Однако, что-то же решать пора,
всю банду их спасая.

На пленника Солерно посмотрел,
и жестко приказал (уж это он умел):

«Антонио! Джованни!

Плесните на него водой.

Пускай очухается этот наш герой».

Как было велено — водой плеснули.

Потом вдвоём,

чтоб в чувства привести, встряхнули.

Солерно увидал перед собой,

то, что и мы увидим, читатель мой.

Виконт де Эжен был без доспехов —

доспехи с него сняли.

И руки впереди тугим ремнем связали.

Сопrotивлялся он до этого

как мог, его избили,
и в угол на какую-то солому повалили.

Ранение в левый бок, ранение в ногу...
сочилась кровь из раны понемногу.
Глаз правый от удара заплывал...
Да, в переделку наш герой попал.

Но он живой, и это оптимизм ему вселяет.
Хоть жизнь ему пока никто не обещает.
Но ведь и не убили его сразу тоже.
Надо молиться, и Бог ему поможет.

Солерно факелом плененного осветил,
И, сплюнув через зубы, ему проговорил:

«Не знаю точно, кто ты есть
среди всех ваших вояк.
Но то, что птица важная, то это точно так.
Тебя ребята мои в городе видали.
Они-то мне и рассказали.

Тебя, конечно, я убить бы мог.
Но смерть твоя мне не наполнит кошелёк.

Вот если жизнь тебе дарую,
на выкуп я потом неплохо попирую».

Запекшуюся на губах кровь
Хельмут облизал,
и из под лобья, говорившему,
сказал:

«Так трусы только поступают —
толпой пленяют, потом и выкуп предлагают.
Вот если б ты мне руки развязал,
я сам бы долг тебе немедленно отдал —
лишь только б меч свой в руки взял».

«Да-да, конечно. Только лучше
быть живым,
к тому же и богатым.

Хватит болтать! Заткните рот ему,
ребята!
А ты, уж постарайся уразуметь —
здесь от меня зависит жизнь твоя и смерть».

Затем Солерно шайкой

стал своей руководить:
«Всё, собираемся, ребята,
нам надо срочно уходить.
Друзья вот этого
нас утром могут посетить.

В мешок его доспехи положите,
да поперёк седла его покрепче привяжите.
Быстрее шевелитесь, поменьше говорите.
Костры, смотрите не забудьте, потушите...»

И получаса бы часы на башне
не отсчитали,
как все бандиты снялись с места —
и в темноте пропали.

Главарь Солерно стоянку банды
последним покидал.
Он наколенник от доспехов рыцаря
оставить на дороге приказал.

И через тридцать метров на дороге,
что уходила за поворот,
был наколенник брошен.
Солерно знал — кто ищет, тот найдёт.

А он того, похоже, и добивался,
чтоб на виду какойнибудь
предмет остался.

Не очень явно, и, всё же, чтоб
указание какое было —
куда их банда уходила.

Теперь вести он будет
преследователей за собой.
Он тоже ведь охотник, ещё какой.

«Нам», — думал он, —
«сначала надо оторваться,
найти местечко поудобнее,
а после торговаться».

По виду рыцаря главарь бандитов догадался,
что не простой им человек сейчас попался.
А за такого и куш бы хорошо урвать.
Вот только самому бы не сплеховать.

И как же быть? В горах надежнее укрыться,
и в город приходить?

Да бургомистр его лично знает.
И раз Солерно здесь, то здесь
и банда — сомнений это не оставляет.

И если выкуп в городе за рыцаря спросить...
То самому бы там в капкан не угодить.
Давно мечтали в Парме и банду,
и Солерно изловить.
Но глупо как-то подставляться.
Нет, этому не быть.

Он в горы выманит их,
разбойникам там всё знакомо.
Они в горах окрестных, как дома.
Возможно, проще будет
рыцарей там обмануть...
Поэтому... В путь, братцы, в путь.

Соблазн наживы, выкупа
главарю не дал
за смерть Фердано рыцаря убить.
Как дело дальше обернётся —
он не знал.
Пока лишь надо было уходить.

Глава 10. «Напали на след»

С востока, юная Аврора,
ступая в нежность облаков,
посеребрить спешит узоры
пушисто-мшистых белых снов.

Спешит нас всех скорей будить,
чтобы немедля сообщить,
что нужно новый день встречать...
Но рыцарей уж не догнать.

Пока лишь первый лучик встал,
отряд их в лес уже въезжал.
Ведь чтобы время не терять,
решили раньше начинать.

Свет факелов, тьму разгоняя,
дорогу освещал.
Но солнца пламенный восторг
никто бы победить не смог.
День наступал.

Что этот день им принесёт?
Отряд их Хельмута найдёт?
Убит он, или же живой?
В лесу бандиты. А был ли бой?

Что ждёт их — радостное восклицание?
Иль скорбь, тоска и отпевание?
Вопросов больше, чем ответов,
пока что лес им предлагает.
Тайну всего, что здесь могло случиться,
от них сейчас лес укрывает.

Листвой, опавшей, засыпает,
и ветви накрепко смыкает.
И станет чащей без просвета,
где много тайн и мало света.

Трава расправится, и нет следов.
Но отступить никто уж не готов.
И без следов готовы Хельмута искать,
чтобы в беде не оставлять.

Ещё бы знать — в беде какой?
Была ли драка, был ли бой?

Друзья у Хельмута открыты
к боям и честным поединкам.
Здесь не понятно что.
Как биться с невидимкой?

Кто этот — не известный пока что враг?
«Какие-то разбойники» — не армия Лотрека,
хоть видно, тоже всё не просто так.

Так или же иначе, они в лесу уже,
и надо быть, конечно, настороже.
За каждым деревом
враг может здесь стоять —
удар бы им какой,
коварный не прозевать.

Идти по одному в колонну —
такой себе поход.
Никто и ничего так не найдёт.
Решили рыцари по двое распределиться,
и в лес по сторонам дороги углубиться.

Друг друга надо прикрывать,
и шире что-нибудь искать.
Ведь Хельмут съехать мог с дороги,

нельзя же это исключать.

Довольно неплохую площадь
для поисков, при этом, охватили.
Внимательно смотрели на кусты,
деревья, и траву...
Следов пока не находили.

Был в каждой паре рог, который
обычно на охоту брали.
Договорились — кто что найдёт,
чтоб остальных по звуку звали.

Отряд искавших виконта де Эжена
неумолимо приближался
к поляне, на которой накануне
с разбойниками бой состоялся.

Один из рыцарей из леса выехал,
увидел место, свой рог поднял...
И через несколько минут,
весь остальной народ поляну
скорбную обозревал.

То, что открылось рыцарям,
конечно, впечатляло —
двенадцать человек убитых там лежало.
Отнюдь не воины, по виду —
простого кроя.
Всех удивил размах,
здесь состоявшегося, боя.

Земля до черноты
пролитой кровью пропиталась.
Здесь был не бой — здесь бойня состоялась.

И кое-где оружие валялось...
И впечатление странное
довольно создавалось.

Осматривая местность,
рыцари заговорили:
«Убитых много для одной поляны...»

«Странно другое — их не хоронили...»

«А не похоже, что они дрались между собой?»

«Не думаю. Со стороны был с кем-то бой».

«С чего возникли ваши соображения?»

«Характер ран убитых не подходит
под их вооружение...»

«Какое уж вооружение, бандитский,
вообще-то набор.
Смотрите, братцы, вот нож,
короткий меч, топор. Ещё топор...» —

так граф фон Шимман говорил.
Он слез с коня и по поляне
между убитыми ходил.

«По-моему», — добавил Карл фон Рейн, —
«какие-то всё это
оборванцы здесь собрались...»

«Сдается мне, про них мы
и предупреждались...», — сказал,

слезая с лошади Эдгард.

«А вот чему я несказанно пока рад —
не вижу друга нашего среди убиенных...»

«Да, постарался кто-то здесь отменно», —
Вендель фон Лих проговорил,
«И раз нет Хельмута, то это он и был...»

«Но почему же они
всё-таки своих не хоронили?»

«Возможно, слишком быстро уходили,
не стали время тратить — трупы убирать», —
Зигмунд фон Леер тоже
продолжал побоище разглядывать.

Решили поподробней осмотреть
поляну и окрестности.
Быть может, что-то есть ещё,
достойное внимания, в этой местности.

Всех убиенных обошли...
«Какие отвратительные рожи.
Да, слишком на разбойников они похожи...»

Один из рыцарей подъехал,
остальным сказал:
«Я, братья, недалеко пещеру здесь видал...»

«Разбойники навряд ли нас в ней
остались ждать.
Пещеру стоит осмотреть,
и там следы искать».

В отсутствии Хельмута,
Мартин фон Шимман вопросы все решал.
И это он друзьям сейчас сказал.

Поскольку мёртвые разбойники
тайн рыцарям не открывали,
то всей командой к пещере путь держали.

Искомая пещера в горах
неподалёку располагалась,
и за огромным валуном она скрывалась.

Кто ехал слева, тот пещеру бы

не сразу увидал.
А путник справа
огромный видел камень,
возле которого он сразу же
в пещеру попадал.

Кто хоть немного пунктуацию соблюдает,
тот знает, какою формы запятая —
знак препинания, бывает.

Пещера эта на запятую походила.
Заход был через «хвостик»,
а точка в глубине, как комната,
людей бы много,
если б надо было, приютила.

Как это, в общем-то,
героями предполагалось,
пустой пещера оказалась.
Пучки соломы валялись тут и там.
Какой-то мусор, какой-то хлам.

«Да, спешно, видно уходили.
Хотя, имуществом, конечно,
были не богаты.

А вот костёр они при этом потушили.
И он чуть тёплый, держу рукой, ребята», —

Иоганн фон Шоттен к костру присел,
его рукой касался.
Но он, при этом, явно не обжигался.

Граф Мартин Шимман,
подойдя к костру, сказал,
то, что почти здесь каждый понимал:
«Ну, значит, до полуночи
они пещеру покидали.

Они, на то похоже,
наш визит предполагали.
Тем лучше, о нашем существовании они знают.

При этом встречи избегают.
Выходит — нашу силу понимают.
Нет ни доспехов, ни виконта де Эжена тоже.
Друзья мои, на что это похоже?

Я думаю, его от нас скрывают,
поскольку вижу, что они уходят,

и всех убитых на поляне оставляют.
Наш Хельмут ранен, быть может...
Да, быть может.

Однако, его с собой забирают.
Меня, конечно, это всё тревожит.
Но, думаю, он жив пока,
это важнее, всё же.

Нам надо всё в округе обыскать,
чтобы на след, как гончим встать.
Надо понять — в какую сторону

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.